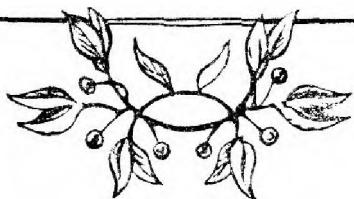


РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ

Х Р Е С Т О М А Т И Я



ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ДОКУСОВА

•
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

A small, symmetrical decorative flourish consisting of two curved lines meeting at a central point, resembling a stylized arrow or a wing.

A decorative flourish consisting of a central scroll-like element with two symmetrical, wing-like extensions on either side, positioned above a horizontal line.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Л Е Н И Н Г Р А Д

1 9 5 5



Н. А. Некрасов¹

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

Мне жаль моей мысли, так бедно я ее поймал словом. Изорвать хочется — чувствую тоскливость, которую Вы, верно, знаете — хочется сказать, а не сказывается. Что Вы в этом случае делаете? Бросаете работу или нудите и пытаете себя? Бывало, я был к себе неумолим и просиживал ночи за пятью строками. Из того времени я вынес убеждение, что нет такой мысли, которую человек не мог бы себя заставить выразить ясно и убедительно для другого, и всегда досаду, когда встречаю фразу «нет слов выразить» и т. п. Вздор! Слово всегда есть, да ум наш ленив, да еще вот что: надо иметь веры в ум и проницательность другого по крайней мере столько же, сколько в собственные. Недостаток этой веры иногда бессознательно мешает писателю высказываться и заставляет откидывать вещи очень глубокие, чему лень, разумеется, потворствует...

*Из письма Л. Н. Толстому² 5/17 мая 1857. Соч., т. X, стр. 335.**

...Горе и стыд тем, кто приносит истину в жертву корысти и самолюбию!.. Стыд всем сплетничающим, клеветущим, барыничающим, обращающим благородное оружие литератора — мысль и слово — в орудие личных своих интересов и страстей...³

*1855. Заметки о журналах за сентябрь 1855 года.
Соч., т. IX, стр. 329.*

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ВОПРОСЫ ФОРМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Форме дай щедрую дань
Временем: важен в поэме
Стиль, отвечающий теме.

* Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем под общей редакцией В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина и К. И. Чуковского. ОГИЗ, М., 1948—1953. В дальнейшей все ссылки даются по этому изданию.

Стих, как монету, чекань
Строго, отчетливо, честно,
Правилу следуй упорно:
Чтобы словам было тесно,
Мыслям — просторно.

Год неизвестен. Подражание Шиллеру. Соч., т. II, стр. 439.

— Стихов нет... Причина очевидна. В этом роде литературы преимущественно и прежде всего обращает на себя внимание форма. Чем труднее достижение чего-либо, тем более в наших глазах выигрывает достигающий. Но трудность выражения или формы обуславливается, разумеется, кроме личности писателя, степенью развития и обработанности языка. Чем менее обработан язык, тем труднее подчинить его формам, требуемым от того или другого рода литературных произведений; по мере же постепенного развития и совершенствования языка постепенно исчезает и трудность выражения, так что изящная форма уже перестает быть достоинством, а делается необходимым условием всякого литературного произведения.

Наша литература, возникшая и укрепившаяся в самое короткое время, находится уже на той степени, когда изящная форма почитается не достоинством, а условием необходимым. Лет десять тому назад, даже и меньше, весьма охотно прощали отсутствие содержания и даже смысла за несколько удачных выражений, гладкость и благозвучие. Стоит только припомнить времена г.г. Марлинского и Бенедиктова, когда форма составляла первое условие, а содержание едва ли входило в число условий, необходимых для литературного произведения. Это преимущество, отдаваемое форме в ущерб содержанию, отчасти и было причиною той вычурности, которою отличались оба эти писателя. Несколько лет тому назад, при оценке литературного произведения, прежде всего обращали внимание на слог, потому что хороший слог был явлением редким; теперь же почти не говорят о слоге, потому что все пишут более или менее хорошо. Пушкин и Лермонтов до такой степени усвоили нашему языку стихотворную форму, что написать теперь гладенькое стихотворение сумеет всякий, владеющий в некоторой степени механизмом языка; и потому гладкость и правильность стиха не составляют уже в наше время ни малейшего достоинства, а так как стихотворная форма непременно стесняет автора, не выкупая недостатков его произведения, то весьма понятно, что проза, более доступная по форме, представляет более простора его уму, взгляду на вещи и наблюдательности, на которые обработанность языка не имеет влияния и которые составляют неотъемлемую, личную принадлежность писателя...

1849. Русские второстепенные поэты. ⁴ Соч., т. IX, стр. 190—191.

О ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Каждое *слово* действующего характера должно носить в себе глубокий отпечаток индивидуальности и действительности...

1855. Заметки о журналах за июль 1855 г.⁵ Соч., т. IX, стр. 298.

Разве только в первом, известном произведении г. Островского можно найти такие живые и мастерски очерченные лица, как в «Не так живи, как хочется». Не говорим уже о верности языка, русский склад и в жизни и в речи дан г. Островскому более чем кому-либо из современных писателей; он обладает им спокойно и вполне, и от всех его лиц действительно веет русским духом. <...>

Без чистой любви к истине нет искусства; но и излишняя боязнь отступать от истины также вредна. Уверяем г. Островского, что ему не для чего с таким, можно сказать, археологическим рвением гоняться за точностью народного языка; ему менее чем кому-либо следует бояться выпасть из русского тона: тон этот в нем самом, в свойствах ума его.⁶

1856. Заметки о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года. Соч., т. IX, стр. 375—377.

«Зап<иски> марк<ера>» очень хороши по мысли и очень слабы по выполнению; этому виной избранная Вами форма; язык Вашего маркера не имеет ничего характерного — это есть рутинный язык, тысячу раз употреблявшийся в наших повестях, когда автор выводит лицо из простого звания; избрав эту форму, Вы без всякой нужды только стеснили себя: рассказ вышел груб, и лучшие вещи в нем пропали...⁷

Из письма Л. Н. Толстому 6 февраля 1854 г. Соч., т. X, стр. 201.

У Писемского иногда больше меткости в языке, больше подслушанных у самого народа фраз, но у Тургенева всегда больше ума, не говоря уже о преимуществах второстепенных: вкусе, такте и т. под...⁸

Из письма В. П. Боткину 16 сентября 1855 г. Соч., т. X, стр. 243.

Если в этом романе <«Суд в Ревельском магистрате» Ф. Корфа,⁹ СПб, 1841 г. — *Ред.*> нет слишком сильных, резко очерченных характеров, зато в нем есть главная стихия романа — занимательность и правильный русский язык, — достоинство в наше время также не маловажное.

1841. Рецензия на «Суд в Ревельском магистрате» Ф. Корфа. Соч., т. IX, стр. 9.

Язык г. Надеждина ¹⁰ гладок и правилен, но слишком тяжел для повести; невыносимо длинные периоды, перепутанные причастиями, деепричастиями и прилагательными, в повести г. Надеждина просто мучат читателя...

1841. Рецензия на «Сто русских литераторов». Соч., т. IX, стр. 26.

Прочитав ее <поэму К. Павловой ¹¹ «Рассказ Лизы» — Ред.>, мы подумали: уж не оттого ли отказался Алексей от Лизы, что она употребляла такие странные слова в своем разговоре: *мясоед, единый, всеминутный, эгир, блажь, чурбак, емко* и проч., пересыпая эти слова неблагозвучными, при частом употреблении, частицами: *чтоб и уж*.

1851. Рецензия на «Раут. Литературный сборник в пользу Александровского детского приюта». Изд. Н. В. Сушкова. Соч., т. IX, стр. 229.

Мы имеем заметить сочинительнице <Волковой — Ред.>, только, что употребить выражение *чи с т осердечная душа* почти так же странно, как сказать *д л и н н о н о г а я рука...*

1855. Заметки о журналах за июль 1855 года ¹²
Соч., т. IX, стр. 294.

Вот для примера, как отразилось в стихотворении г. Бенедиктова ¹³ одно из бессмертных дел великого <Петра, — Ред.> основание Петербурга:

*Раз, заметив захоlustье,
Лес, болотный уголок,
Глушь кругом, при Невском устье
Заложил он городок...*

Кто не почувствует, как эта картина бедна, не полна и не верна, начиная с природы, до того, что думает или говорит у г. Бенедиктова преобразователь, решаясь заложить город? *Захолустье, болотный уголок* — разве эти слова сколько-нибудь дают понятие о пустынной, грандиозной и дикой природе, среди которой гениальная мысль великого угадала необходимость русского города?.. Мы не думаем требовать, чтобы г. Бенедиктов дал нам нечто равняющееся достоинством Пушкину, мы только обращаем внимание его и наших читателей на тон, которым говорит Пушкин сравнительно с тоном г. Бенедиктова. Не правда ли, тон не последнее дело в литературном произведении, не говоря уже о других требованиях? До какой степени удовлетворяет стихотворение, например, внутреннему пониманию характера и верному его отражению до малейших подробностей, можно уже видеть по приведенной выписке: у Пушкина Петр думает:

*Судьбою здесь нам суждено
В Европу прорубить окно... и проч.*

Г-н же Бенедиктов заставляет его думать так:

Эта дверь не на затворе,
Дело сладим *как-нибудь*...

Но возвращаемся к тону стихотворения, не предъявляя никаких других требований. Великое дело введения в России флота отразилось у г. Бенедиктова в следующих четырех стихах:

Взял топор — и первый ботик
Он устроил, сколотил,
И родил тот ботик — флотик,
Этот флотик — флот родил...

Важные исторические факты, имевшие столь сильное влияние на судьбу целого народа, не являются ль несколько в чуждом им свете, переданные таким тоном, с такой точки зрения?

Это не народный язык и не язык людей образованных, — что же это такое?.. Не беремся отвечать, — знаем только, что на такой тон нельзя написать удовлетворительного произведения о предмете, который избрал г. Бенедиктов.

Заметим еще, что стремление к оригинальности, к обычной у г. Бенедиктова вычурности и ухарской громкозвучности (о которой мы ничего не сказали, потому что о ней уже было говорено слишком много) местами привело автора к неверному употреблению слов, как, например, в следующем куплете:

И в тот век лишь взор *попятишь*,
Все оттоль глядит добром —
И доселе, *что ни схватишь*,
Отзывается Петром...

Возможно ли: *попятить взор*? Для этого единственное средство, чтоб глаза выскочили на затылок, но, *попаченные* таким образом, они едва-ли сохранят способность что-нибудь видеть. Вторая половина куплета тоже не верна. Схватить можно и недостойный предмет...

1855. Заметки о журналах за сентябрь 1855 года.
Соч., т. IX, стр. 308—311.

Недавно умный и наблюдательный петербургский водевилист г. Каратыгин¹⁴ написал очень верный и забавный очерк этого любопытного типа, и публика, посещающая наш русский театр, от души смеялась над почтенным булочным мастером Иваном Ивановичем Клейстером, над его расчетливостью и осторожностью, филистерскою важностью и «русским языком на немецкий лад». И теперь мы все остримся над петербургскими немцами, подмечаем их особенности, говорим, ради шутки, их оригинальным языком, а до тех пор многие из нас даже и не подозревали, что едва ли не целая треть петербургского народонаселения состоит из таких Иванов Ивановичей. Особенное вни-

мание обратил на себя — язык Ивана Ивановича, схваченный живо и верно. Все немцы, которые обжились в Петербурге и захотели во что бы то ни стало быть «русскими», говорят языком Ивана Ивановича Клейстера. Язык этот не есть исковерканный немецким произношением русский язык; но именно, как мы выразились — «русский язык на немецкий манер». Немец, говорящий им, произносит слова чрезвычайно чисто и выразительно; но расстановка слов, ударения, употребление падежей — вот где камень преткновения для всякого не родившегося в России, особенно для немца, который как бы ни усиливался, никогда не победит своей немецкой натуры, и во всем, от особенного выражения в лице до самых пустых мелочей, всегда останется немцем. Но в Петербурге много и таких немцев, которые вовсе не стараются подражать почтенному Ивану Ивановичу Клейстеру и нисколько не заботятся об изучении русского языка, так что, прожив в Петербурге более тридцати лет, уезжают обратно, не зная ни одного русского слова. Это странное явление принадлежит к особенностям Петербурга. Везде почти иностранец должен знать сколько-нибудь язык страны, в которой живет; таким образом, бывает, что иностранцы в других столицах мало-помалу сливаются с массой природных жителей и теряют свою оригинальность под господствующим цветом общего характера. В Петербурге — решительно наоборот. Немец может прожить в Петербурге тридцать лет и отправиться на немецкое кладбище или обратно в Германию, не узнав ни одного русского слова.

1844. Черты из характеристики петербургского народонаселения.
Соч., т. V, стр. 475—476.

МЕТКОСТЬ И ОБРАЗНОСТЬ НАРОДНОЙ РЕЧИ

А то два-три крестьянина
Словечком перекинутся...
Хохочут, утешаются
И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

1868. Кому на Руси жить хорошо. Глава «Сельская ярмонка».
Соч., т. III, стр. 186, 187.

Народ редко выражает свои приговоры о людях с определительностью, принятой в других классах; дурак, подлец почти не употребительны в его словаре; у него свои условные определения личностей, замечательные какой-то деликатной уклончивостью, которая, впрочем, не лишена меткости, заменяющей жесткую определительность приговоров образованного класса. Тетеря, ворона, сорока, пропащий человек, вахлак, войлок, увалень, рохла — все эти названия и множество подобных

беспреданно слышатся на языке народа, и по ним он расценивает окружающие его характеры, может быть, еще вернее и точнее, чем общество, щедрое на резкие эпитеты. Не мешает заметить, что неблагозвучные слова — ерник, шильник, шаромыжник, мазурик, жулик — вовсе не принадлежат народу, а только городу и рынку. Человека недалекого и бесхарактерного, нестойкого в слове не с дурного умысла, а по слабости, народ зовет божевольным, грубого и бешеного — нравным, а о человеке щедром, правдивом, великодушном прекрасно и сильно говорит — душа божеская.

1853—1855. Тонкий человек, его приключения и наблюдения.¹⁵
Соч., т. VI, стр. 442—443.

В три мои поездки туда <на охоту в Новгородскую губ. — *Ред.*> убил я поболее сотни белых и серых куропаток и глухарей, не считая зайцев, и услышал одно новое словечко, которое мне очень понравилось, — *пáморха*. Знаешь ли ты, что это такое? Это мелкий-мелкий, нерешительный дождь, сеющий, как сквозь сито, и бывающий летом. Он зовется *пáморхой* в отличие от *изморози*, идущей в пору более холодную. Это словцо Новг<ордской> губ<ернии>.

Из письма И. С. Тургеневу 21 октября 1852 г.¹⁶ Соч., т. X, стр. 178.

Я не справлялся с Толковым словарем (Даля), когда писал «Несжатую полосу», а употребил слово «станица» потому, что с детства слышал его в народе, между прочим, в этом смысле: птицы летают *станицами*; воробьев *станичка* перелетела и т. п. Заглянув ныне в словарь Даля, я увидел, что и там слову этому дается, между прочим, и то значение, в котором я его употребил (см. т. III, стр. 285, столб. второй). Что слово употребляется и в других смыслах, из этого не следует, чтобы в данном случае оно было употреблено неточно. Слова: группа, партия, даже стая, которыми можно было бы заменить его в «Несжатой полосе», кроме своей прозаичности, были бы менее точны, лишив выражение того оттенка, который характеризует птицу перелетную (о которой идет речь в стихотворении), располагающуюся время от времени *станом* на удобных местах для отдыха и корма...

Из письма П. Н. Юшенову 31 марта — 25 апреля 1874 г.¹⁷
Соч., т. XI, стр. 313.

О ЯЗЫКЕ КНИГ ДЛЯ НАРОДА

Автор¹⁸ думает, что писать для народа — значит сплеча, сломя голову рассказывать ему, что ни попадет под перо, забываясь только об одном, чтоб язык рассказа не походил на язык, каким пишут для читателей образованных. Поэтому выражение «трясти бабу за шлык» и подобные ему пользуются у со-

чинителя большим уважением и будут им пользоваться, пока будут выходить «Воскресные посиделки». Четвертая книжка, как первая, и сотая будет, как первая и четвертая. Сочинитель как будто сознался себе внутренне, что сочинения его не могут ни на сколько подвинуть вперед «добрый» народ русский, и потому вовсе не заботится о постепенности, с какою следовало бы переходить в подобном издании от легчайшего к труднейшему, от выражений тривиальных и неловких, но понятных простому народу, им только употребляемых, к выражениям более общепотребительным. Можно уже сказать теперь утвердительно, что ни плана, ни цели нет в «Воскресных посиделках», что составляются они с решительным небрежением, бог знает для чего, — может быть, для пользы издателей, но никак уже не для пользы «добрého» народа русского.

1844. Рецензия на «Воскресные посиделки, книжки для доброго народа русского». Соч., т. IX, стр. 139—140.

В «Отечественные» гляжу — там подробный разбор <«Воскресных посиделок, книжки для доброго народа русского» — *Реф.*>. Каждая «Посиделка» рассказана, и видно как на ладони, что сочинитель просто не знает быта крестьянского и совсем не бывал ни на каких посиделках... Опять же у сочинителя *косушкой* перепишлось 25 человек, да ведь как: мужик спалил бороду, баба такой вздор понесла, что «мужик» схватил старуху за *шлык* да ну ее трясти...» видно, одурел с перепугу... И много тут я начитал; и не хотел бы верить — нельзя: поверишь, как на все пример налицо... Мужики все набраны пьяницы: тот «бедную жену, как собаку избил», тот извозчика обокрал и «теперь золото роет в Сибири», а Пахомыч страшную дичь несет, даже вошел в азарт и стихами заговорил <...> Простонародные слова можно и даже в ином случае надо непременно употреблять, пока мужик к барским словам не привыкнет; только не надо косушкой 25 человек спаивать и «трясти бабу за *шлык*». ¹⁹

1844. Письмо ***ского помещика о пользе чтения книг, о вредности бараньих бурдюков с кашей и о русской литературе. Соч., т. V, стр. 437 и 440.

О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ ДЛЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕТЕЙ

Мне бы хотелось... чтобы Вы, кроме обучения детей церковно-славянскому языку, обратили внимание и на русскую грамоту, тем больше, что русских книг и учебников гораздо больше под руками и они гораздо разнообразнее, да и, кроме того, крестьянину не мешает знать и то и другое...

Из письма Н. Г. Зыкову ²⁰ 24 января 1861 г. Соч., т. X, стр. 443.

О РАБОТЕ НАД ПЕРЕВОДОМ

Передавать близко стихи иностранного поэта русскими стихами вообще трудно, часто труднее, чем прямо писать русские стихи. Причин тому множество, и между прочим длина наших слов, особенно причастий, деепричастий, прилагательных и проч., так что переводить тем же размером, тем же количеством строк, сохраняя по возможности самый наружный вид стихотворения (а это-то и значит переводить близко), иногда почти невозможно! Есть поэты, как А. Шенье, например, которого передать таким образом нет средств. Да и не он один, — всякий поэт изящной формы и у кого внешнее изящество выше внутреннего содержания (как и у Шенье) не переводим близко. Какой-нибудь грубиян по форме, Барбье, но силач по содержанию, поддается гораздо легче переводу. А попробуйте перевести близко Петrarку — не выйдет ничего: букет выдохнется, а вкуса не останется <...> Мицкевич, которого теперь перевел Н. Берг, — один из тех редких поэтов, у кого форма и содержание неразделимы: одно превосходно и другое превосходно. Значит, переводить Мицкевича тоже нелегко. Особенно эта трудность должна увеличиваться родственным сходством языков польского и русского. С близкого по духу языка переводить еще труднее, — может быть оттого, что ближе, нагляднее чувствуется недостижение подлинника. С итальянского, например, легче переводить иногда, чем с малороссийского. Невероятно, а между тем верно...

*1866. Рецензия на «Таинственную каплю» и др. произведения.
Соч., т. IX, стр. 442—443.*

Несколько лет тому назад в нашей журналистике случился такой факт: начал появляться в одном журнале перевод «Илиады» — перевод, к которому переводчик вздумал применить манеру так называемого «маненько мужицкого» слога. С первой же песни мнение о достоинстве нового перевода ясно определилось и выразилось во всеобщем изумлении к его бестактности и бесталанности...

*1855. Заметки о журналах за октябрь 1855 года. Соч., т. IX,
стр. 339.*



1. В творческом наследии Некрасова нет прямых высказываний о языке. Но вопросы языка, формы художественных произведений постоянно волновали его, и суждения на эти темы разбросаны во многих произведениях, критических статьях и письмах Некрасова.

Некрасов продолжил великое дело, начатое А. С. Пушкиным, — дело приближения литературного языка к общенародному русскому языку. Он еще шире раздвинул границы литературного языка, пополнив его словарный состав из живого источника народной речи, введя в литературный обиход и слова деловой, газетной речи.

2. Некрасов был в дружеской переписке с Л. Н. Толстым. Он первый оценил по достоинству его талант и привлек к сотрудничеству в журнале «Современник». В письмах Толстому Некрасов останавливался и на вопросах формы художественных произведений.

3. Обличая писателей-реалистов, писателей-барышников, приносящих «истину в жертву корысти и самолюбию», Некрасов доказывает, что не будет забыта та деятельность, которая отмечена «стремлением к добру и правде, любовью к огечеству, к его благоденствию, славе и просвещению».

4. В этой статье Некрасов дает тонкий анализ ряда стихотворений «второстепенных» поэтов и особенное внимание обращает на язык, на «напряженность тона и странную смесь простонародных выражений с книжными». Творчеству этих поэтов противопоставляет Тютчева, стихи которого «написаны были чистым и прекрасным языком, и многие носили на себе живой отпечаток русского ума, русской души... Каждое слово метко, полновесно, и оттенки расположены с таким искусством, что в целом обрисовывают предмет как нельзя полнее».

5. Замечание Некрасова относится к комедии «Ольга» (писательница С. В. Энгельгардт 1824—1894), написанной на сюжет пословицы «Не так живи, как хочется, а так, как бог велит», опубликованной в декабрьском номере «Современника» 1854 г.

6. Некрасов высоко ценил талант А. Н. Островского, которого он считал «нашим, бесспорно, первым драматическим писателем». Вместе с Чернышевским он боролся против влияния на Островского славянофильской группы редакции журнала «Москвитянин»; позднее Островский порвал с группой «Москвитянина» и стал сотрудником «Современника» и «Отечественных записок».

7. В дневнике Л. Н. Толстой записал 25 октября 1853 г.: «Я начинаю жалеть, что слишком поспешно послал «зап. мар». По содержанию едва ли я много бы нашел изменить или прибавить в них. Но форма не совсем тщательно отделана».

Позднее Некрасов изменил свое отношение к рассказу «Записки маркера»: «...в 1-м чтении он мне не понравился, о чем я и вам писал, но прочитав его недавно, спустя почти год, я нашел, что он очень хорош...» (Письмо Некрасова Л. Н. Толстому от 17 января 1855 г., т. X, стр. 217).

8. А. Ф. Писемский (1820—1881) — романист и драматург. В пятидесятые годы он примыкал к критическому «обличительному» направлению, в шестидесятые — перешел на реакционные позиции. Некрасов в «Заметках о журналах за сентябрь 1855 года» отмечает, как большое достоинство, в рассказах из народного быта умение Писемского пользоваться народной

речью Так о рассказе «Плотничья артель» читаем: «...народный язык в этом рассказе удивительно верен». (Соч., т. IX, стр. 314.)

9. Ф. Ф. Корф (1803—1853) — второстепенный литератор, дипломат.

10. Н. И. Надеждин (1804—1856) — критик, издатель журнала «Телескоп». В рецензии Некрасова речь идет о его повести «Сила волн», опубликованной во втором томе «Ста русских литераторов».

11. К. П. Павлова (1810—1894) — поэтесса и переводчица, представительница «чистого искусства», «мотыльковой поэзии», по выражению М. Е. Салтыкова-Шchedрина. Рецензируемая Некрасовым поэма «Рассказ Лизы» есть часть ее большой поэмы «Кадриль».

12. Замечание Некрасова относится к стихам Волковой, напечатанным в журнале «Отечественные записки», 1855, № 7:

Когда среди толпы веселой и беспечной,
Вам тайну высказав души чистосердечной...

13. В. Г. Бенедиктов (1807—1873) — модный в 30-х годах поэт, представитель элигонского романтизма. Бессодержательность, пошлость и стремление к внешним эффектам характерны для его произведений.

14. П. А. Каратыгин (1805—1879) — популярный в сороковые годы актер и водевилист. Некрасов имеет здесь в виду его водевиль «Булочная, или петербургский немец» (1843).

15. Роман Некрасова «Тонкий человек, его приключения и наблюдения» остался неоконченным. Первые четыре главы были опубликованы в журнале «Современник», 1855, № 1. Рукопись части произведения, не опубликованная при жизни Некрасова, была найдена позднее и опубликована в 1928 г. сначала отдельными отрывками в периодической печати, а затем с первыми четырьмя главами в книге: Н. Некрасов «Тонкий человек» и другие неизданные произведения, М., «Федерация», 1928.

16. Некрасов всегда проявлял живой интерес к меткому народному слову. Однако местные, областные слова, диалектизмы очень редки в его произведениях. Так, полюбившееся ему словцо Новгородской губернии «паморха» в стихах не использовано. Поэт писал общенародным русским языком, неизменно очищая его от диалектизмов.

17. Письмо явилось ответом на просьбу директора Киевской военной гимназии П. Н. Юшенова разъяснить смысл стихов:

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы.

(Некрасов «Несжатая полоса»).

18. Автор рецензируемой Некрасовым книжки «Воскресные посиделки» — В. П. Бурнашев, реакционный журналист и беллетрист сороковых годов, составитель ряда книг для детского и «народного» чтения. Крепостник и монархист, он писал тяжелым, псевдонародным языком, обнаружив полное незнание народной жизни. Его книжки резко критиковал В. Г. Белинский. Некрасов посвятил разбор «Воскресных посиделок», выходявших отдельными выпусками, три рецензии («Литературная газета», 1844, № 8, № 18 и № 26).

19. Фельетон Некрасова полемически направлен против письма-рецензии на «Воскресные посиделки» В. Бурнашева, напечатанного в журнале «Эконом» (1844, т. VII) от имени помещика «Тихвинянина». Некрасов считал автором этого письма самого Бурнашева, беззастенчиво рекламирующего таким образом свою книжку. Фельетон Некрасова совпадает по содержанию с его рецензией, напечатанной в «Литературной газете», 1844, № 26. Подробный разбор и критику «Воскресных посиделок» дал в журнале «Отечественные записки» (1844, № 4) В. Г. Белинский.

Поэта глубоко возмущали так называемые книги для народа, — «серобумажная макулатура», — не только убожеством содержания, но и надуман-

ностью, искусственностью языка, засорением произведений, предназначенных для народа, псевдонародными словечками, искажением великого, могучего русского языка.

20. И. Г. Зыков (1827—1889) вместе с Некрасовым организовал школу для крестьянских детей в селе Абакумцеве Ярославской губернии. Был долгое годы учителем в этой школе. Некрасов состоял с ним в переписке, помогая ему в работе деньгами и советами.